

Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

Мировоззренческий комментарий к экстремальному либерал-экономизму

Мне давно хотелось свести воедино свои сомнения относительно правомерности гипертрофированного отношения в нашем обществе к экономическому детерминизму вообще и к его крайним либеральным проявлениям в частности. Катализатором к настоящим заметкам послужило услышанное мною на заседании семинара Е. Ясина в Высшей школе экономики, посвященного проблемам демографии современной России. Основные докладчики единодушно высказывали обеспокоенность тенденцией к падению численности жителей нашей страны. Их неутешительный прогноз не был, притом, сенсационным: при сохранении нынешней понижающей динамики естественного прироста и в отсутствие мощного притока иммигрантов в ближайшие полвека население отечества сократится вдвое, что сделает проблематичным позитивное развитие России в существующих пределах.

Диссонансом ко всему сказанному прозвучало выступление А. Илларионова, тезисы которого сводились к следующему:

- прежде чем давать какую-либо оценку услышанным цифрам, а тем более испытывать по их поводу некую тревогу, *надо определить, какое население нужно российской экономике;*

- если проследить доминирующие экономические тенденции и иметь в виду цели современного экономического роста России, то окажется, что нам совершенно достаточно оставить даже не вполтину меньше сограждан, а где-то около 67 млн (от теперешних 145 млн), и не через 50 лет, но еще раньше;

- сконцентрировать усилия предстоит в европейской части державы, территории за Уралом не принципиальны;

- предыдущее утверждение основывается на крылатой фразе Л. Эрхарда: лучше обеспечить 100% роста на 50% земель, чем 50% – на 100%;

- лучшим примером благотворности негативной демографической ситуации является Ирландия: в ней было 8 млн жителей, теперь только 3 млн, зато темпы роста ВВП "кельтского тигра" были удивительны не только для Европы, но и для новых азиатских экономик;

- общество надо психологически готовить к необходимости ради роста благосостояния к более чем двукратному самосокращению.

Последнюю ремарку спровоцировала, видимо, моя реплика о том, что ради преодоления демографического провала надо изменить психологическое отношение социума к детям, вернуть в сознание людей понимание ребенка не как обузы, а как радости, счастья и благословения, притом не только для родителей.

Шелов-Коведяев Федор Вадимович – кандидат исторических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ ВШЭ).

Можно было бы считать такое выступление просто парадоксальной игрой ума в пылу полемики в узком кругу семинара. Но менее чем через неделю Илларионов – пусть и в более мягкой форме – повторил свой панегирик подходам, приведшим к "ирландскому чуду". Это произошло в первый день работы ежегодной международной конференции, посвященной модернизации российской экономики и организуемой ГУ ВШЭ при поддержке Международного валютного фонда и Всемирного банка.

Начну с самого простого. Хлесткая фраза Эрхарда была, как известно, обусловлена особой исторической ситуацией: часть прежде единой Германии находилась под контролем СССР. И применить там свои методы он попросту не мог: в советской зоне оккупации ставились совсем иные эксперименты. Иначе, зная упорство автора немецкого экономического чуда, мы видели бы 100% роста на 100% территории. А так ему оставалось лишь излить свое горе по разделенной родине в громких тирадах. К тому же он сильно преуменьшил свои заслуги, ибо считал от территории бывшего рейха, что же касается собственно Германии после 1945 г., то он обустроил 75% ее пространства – именно столько его осталось под контролем западных союзников. Так что Илларионов напрасно и по форме, и по существу приводит в поддержку своей позиции опыт, полученный в условиях ограничений, навязанных извне чуждой политической волей.

Столь же опрометчивым, по-моему, было обращение к опыту Ирландии. Видимо, в этой стране не испытывают восторгов советника российского президента по поводу тающего на глазах населения (при сохранении нынешнего тренда и без вмешательства внешних факторов через 25 лет ирландцев на их национальном острове может остаться вшестеро меньше, чем сейчас, то есть всего 500 тыс. человек!). Иначе бы не стала Ирландия – единственная в ЕС – широко распахивать свои границы выходцам из Центральной и Восточной Европы, как присоединившимся, так и не присоединившимся к ЕС. Если же смотреть на вещи глубже, то мы, не исключено, присутствуем здесь при одной из последних сцен продолжающейся вот уже два с лишним тысячелетия большой кельтской трагедии – постепенного исчезновения с карты Европы некогда мощного этнического массива, занимавшего земли от Атлантики до Черного моря и от Балтики до Средиземного. Считать ее финальные аккорды историческим достижением, как минимум, неуместно.

Если же полагать ВВП абсолютной ценностью, то тогда идеалом должен стать последний человек на Земле. Только после его смерти этот самый ВВП будет никому не нужен.

Я разделяю либеральное мнение о том, что неисчерпанность до сих пор относительно недорогих и доступных природных ресурсов, прежде всего в топливно-энергетическом комплексе, служит России не только добрую, но и дурную службу. Несомненно, что их меньшие объемы были бы мощным стимулом интенсификации нашего развития.

Однако тэтчеризм из того периода, когда премьеру Великобритании было еще далеко до ухода с политической авансцены, применительно к Зауралью, в устах кремлевского чиновника, по меньшей мере безответственен. Не в полицейском, а исключительно в либеральном смысле слова. Некогда мы, русские, заняли эти земли и глубоко модифицировали традиционную жизнь их обитателей. Приучили их ко многим совершенно новым для них элементам стиля существования. Потом коммунистический режим провел их через геноцид в результате алкоголизации целых народностей и хищнического обращения с традиционной для них средой обитания в ходе освоения разведанных там полезных ископаемых. А теперь один из наших администраторов предлагает их просто бросить. Подобное решение не имеет ничего общего с ответственностью того, кто как декларирующий себя либерал служит обществу, то есть людям – всем вместе и каждому в отдельности.

В качестве промежуточного вывода замечу, что если кому-то не было понятно, почему противники слева обвиняют Илларионова (а заодно, не утруждая себя различиями, Е. Гайдара, А. Чубайса, А. Кудрина, Г. Грефа, А. Улюкаева, В. Мау и иже с ними) в либеральном фашизме, то здесь все становится окончательно ясно. Правда, перво-

начальные источники данного фразеологизма, будучи не слишком грамотными, спутали понятия. Фашизм (точнее – гитлеризм или национал-социализм) расчищал жизненное пространство для своих и уничтожал тех, кого объявлял чужими. Тут же предлагается прямо противоположное: усечение собственной популяции и ее ареала.

Этим грешили как раз большевики – сбрасывая Финляндию, Польшу и Прибалтику и проводя репрессии. Трудно не заметить параллель: *товарищу И. Сталину* для его экономики нужно было одно население, и он его сформировал, загнав в лагеря одних и канализировав в требовавшемся ему направлении активность других; *господину Илларионову* его экономика рисует другое население, и он точно так же искренне считает, что все должны преданно следовать транслируемым им директивам. Думается, что если уж создавать новые термины, то такие убеждения надо определять, как **либеральный сталинизм**.

Так сегодня в не новом уже для себя материале проявился хорошо известный эффект смыкания полных противоположностей. Казалось бы, рационально несовместимые вещи соединились в голове одного человека. Хорошо, что ему не хватает властных полномочий для воплощения руководящих им идеологем в жизнь.

Наконец, обратимся к первым двум упомянутым в самом начале тезисам Илларионова. С точки зрения движения разума система воззрений, пунктирно изложенная в них, безусловно, классифицируется, наряду с коммунизмом, как религия. Ибо только в рамках религиозного сознания возможно представление, что Высший Принцип сам определяет (для примера вспомним библейскую историю Всемирного потопа), какой человек и в каком количестве Ему нужен, может истребить его Сам либо потребовать от него сократиться, уничтожиться, исчезнуть, раствориться самостоятельно.

Как религия конструктор советника В. Путина представляет собой типичную ересь. Ибо в нем вымирания России запрашивает экономика. Поставленная тем самым на место Бога. А одна только эта процедура, уже сама по себе, является еретической. Но кроме того и по сути экономика не Божественна по своей природе. Поскольку она не есть самодовлеющий субъект, но всего лишь объект, инструмент, созданный самим человеком.

Илларионов в очередной раз соорудил классического золотого тельца, подобного тому, что встретил Моисей в израильском стане у горы Синай, когда он первый раз принес туда скрижали Откровения. Точно так же многие люди, прежде всего финансисты, служат деньгам, как Абсолюту.

И в завершение этой части статьи. Возможным сторонникам умонастроений, подобных только что описанным, не стоит забывать, что Бог ничего не сказал человеку об экономике. Ибо Его предписание Адаму возделывать землю (Быт, 3, 23) не содержало в себе ничего для него нового: тот был обязан обрабатывать и Сад Эдема (Быт, 2, 15). А вот слова "плодитесь и размножайтесь" уже в том же Раю (Быт, 1, 28), напротив, от Него прозвучали.

Теперь к главному. Сделанные выше наблюдения над базовым содержанием изучаемых взглядов заставляют меня переформулировать известный афоризм. Отныне, применительно к нашей теме, он должен выглядеть следующим образом: экономика слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее одним экономистам. Поясню.

Каждому специалисту, будь то физик, математик или кто другой, генетически присуща абсолютизация значения своей науки для будущего человечества. В равной степени это относится и к экономистам. Собственно, еще Ф. Хайек в своей книге "Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом" предупреждал об опасности, какую таят в себе чрезмерное увлечение культом научного знания и как его последствие сциентизм. Впрочем, в запале борьбы с социалистическими заблуждениями, он и сам не избежал соблазна возведения на пьедестал идола собственного производства.

Но Хайек прав в основном: именно и прежде всего в экономической теории требуется сугубая осторожность. Не только потому, что допущенные в ней девиации чересчур быстро и болезненно отзываются на жизни людей. Не менее существенно, что экономика – дескриптивная наука. Как ботаника, зоология, демография или этногра-

фия. И эмпирическая в наиболее прикладном смысле. Так как ее материалом служат обстоятельства, добытые из рутины человеческого опыта.

Чтобы понять, что это не пустой обидный выпад, а констатация реальности, достаточно вспомнить, что для подтверждения своих установок каждый экономист постоянно оперирует аналогиями – фактами, заимствованными из близких (иногда лишь по единственно его субъективному мнению!) ситуаций. Субъективизм экономических обобщений проявляется в них тем самым, по меньшей мере, дважды: и на стадии отбора многих примеров из их множества, и при выборе пути сведения частных случаев в систему доказательств. Не говоря уже о том, что и первоначальная гипотеза, ради которой проводятся обе операции, также представляет собой сугубо индивидуалистичный акт.

Поэтому попытки излишнего экономического теоретизирования либо, наоборот, экспериментирования всегда оканчиваются крайне плохо. Ужасные трагедии многих, а совсем не только России, европейских и азиатских наций в XX в. – тому страшный пример.

Между тем экономистам в наименьшей степени присуще чувство юмора применительно к циркулирующим в их среде доктринам. От них постоянно приходится слышать об объективных законах экономики. Я же утверждаю, что, якобы, существование так понятных закономерностей есть глубочайшая аберрация.

Взглянем на интересующий нас предмет с реальных позиций. Объективными те или иные процессы потому и считаются, что они возникли без нашего участия и их действие практически не зависит от нас. Таковы, например, физические явления. Из них возможны только кратковременные и локальные изъятия в научных целях, к тому же требующие, как правило, немалых материальных затрат и усилий. Совсем не то каждое мгновение происходит с экономикой.

Она не только в принципе способна поддаваться нашим постоянным воздействиям, но непрерывно им и подвергается. Это дало такому признанному либералу, как Хайек, с которым я вполне согласен, фундаментальное основание постулировать особо глубокий субъективизм экономики. Следовательно, в ней просто не может быть объективных законов. Она субъективна по определению, так как является таковой не только по способу существования (как результирующая взаимодействия независимых друг от друга волей), но и по самому своему происхождению.

Европейцы, впервые столкнувшиеся с первобытными племенами в Африке, Америке и на Тихом океане, посчитали их дикарями именно потому, что не обнаружили у них ни денег, ни даже простых товарных отношений. Значит, экономика не присуща человеку изначально. Но была на определенной стадии создана им самим, есть продукт его субъективных устремлений. То есть принадлежит области вторичных, рукотворных, смыслов.

Само понятие экономики – по-древнегречески *ойкономиа* – как *правил* (номиа) *управления* усадьбой возникло в историческое время в Элладе вместе с появлением малой семьи и частного домохозяйства (ойкоса). Столь же субъективны и деньги. Даже дата и место рождения их монетарной формы известны точно и в деталях: около середины VII в. до н.э. в Малой Азии, где греки, первоначально позаимствовав саму идею у варваров, но доведя ее до совершенства и внедрения в массовое производство, выпустили первую чеканку для нужд лидийского царя.

Конечно, как любой человеческий продукт, экономика в ходе своего функционирования объективируется. Но это именно *вторичная объективация*, а не объективность, как кажется многим из тех, кто ее изучает или переживает. Значит, она – ни в научном, ни в прагматическом аспектах – не может быть исключительной сферой чьей-либо специальной компетенции, как то происходит в областях знания, исследующих объективную данность. Экономика есть ареал ответственности всего общества. В ней не может быть технических решений, выходящих за рамки частных случаев.

Тем не менее большая часть экономистов продолжает воспринимать объект своих знаний как самодовлеющую сущность, доступную лишь посвященным, которой они в буквальном смысле служат, как Мировому Разуму. Полагаю, здесь кроется одна из

фундаментальных причин секрета парадоксального, на первый взгляд, уважения, каким пользуется К. Маркс на Западе. Он действительно перевернул теорию Г. Гегеля, но не с головы на ноги, как ошибался, вслед за самим Марксом, среди многих прочих В. Ульянов-Ленин, а с ног на голову. Легитимировав примитивный материализм, Маркс породил иллюзию объективности экономики. И произвел будто бы все объясняющую в нашем бытии и якобы дирижирующую им квазисистему, в плену которой до сих пор находятся большинство экономистов, – *экономический детерминизм*.

Крайнюю стадию такового, когда экономика из вспомогательного инструмента обустройства человеческой жизни превращается в объект веры и поклонения, я как не имеющую ничего общего с наукой называю *экономизмом*. Он может быть разным: консервативным, революционным, умеренным, агрессивным, правым и левым. Одно остается неизменным – он очень социально опасен.

Примеры его разрушительного воздействия на зараженные им общества хорошо известны. Ультралевый его вариант, как у Маркса и Энгельса периода Манифеста Коммунистической партии и первого тома Капитала или ленинцев-сталинцев, есть образец социал-экономизма. Ультраправый – представлен независимо от конкретной страны либерал-экономизмом там и тогда, где и когда мы сталкиваемся с "диким капитализмом".

Экстремальную форму либерал-экономизма, на мой взгляд, демонстрирует Илларионоу. Думаю, его приведенные в начале статьи тезисы доказывают, что обожествление науки и человеческого разума приводят к полной утрате всякого рационального знания. Выходит, что либералы подвержены этому не хуже, чем социалисты, сциентизм коих столь убедительно дискредитирован Хайском.

И последнее. Мне думается, что в современных условиях выход из провальной демографической ситуации в развитых экономиках, а не в одной только России, очевиден. Правда, имеющийся здесь ресурс ждет пока своего осмысления и осознания. Последнее обстоятельство нельзя недооценивать. Ибо когда я говорю, что решение лежит на поверхности, это отнюдь не означает, что оно будет принято обществом и его официальными институтами и проведено в жизнь само собой.

Попробую набросать его основные контуры. Одним из важнейших факторов сдерживания роста рождаемости в странах, где ограничения, связанные с уровнем жизни и недостатком продуктов питания, оказались практически снятыми, всеми признается весьма высокая (и по времени, и по физической нагрузке) вовлеченность женщины в профессиональную деятельность вне стен своего жилища. Большинству жен фактически перманентно приходится разрываться между домом, работой, мужем и детьми.

Долгосрочная тенденция развития современной инновационной экономики позволяет устранить данное противоречие. Во-первых, рывок телекоммуникаций уже сейчас не требует обязательной экстерриториальности применительно к домохозяйству многих видов трудовой активности. В одной Европе на рынке занятости уже насчитывается несколько процентов надомников, реализующих себя в самых разных секторах наиболее динамично эволюционирующего бизнеса. Во-вторых, наибольшие успехи показывает рынок новых услуг, таких как дизайн, декорация, флористика и т.п., в которых женщина традиционно сильна. В-третьих, главным условием прогресса стала креативность в широком смысле слова: теперь определяющую роль в движении вперед играют прикладные результаты, полученные благодаря использованию особенностей творческого, духовного, культурного (как индивидуального, так и группового и общенационального) потенциала.

Уже только три этих обстоятельства открывают совершенно новые возможности перед современной, во всем многообразии данного выражения, женщиной. Во-первых, если дети мешают ее карьере, у нее появляется реальный шанс не отказываться от них, а сменить карьеру на, как минимум, не менее удачную, но связанную с преимущественным пребыванием дома. Во-вторых, вопреки расхожему мнению, женщине имманентно присущ креатив: само воспитание детей, включающее в себя как непре-

менный элемент их обучение, есть непрерывный творческий процесс. Начинаясь, как сейчас ясно, уже на внутриутробной стадии. В-третьих, древняя латинская максима, "когда учим – учимся", работает тут, как нигде. Таким образом, перед женщиной открывается вполне доступная перспектива стать одной из основных фигур креативной экономики, причем, что принципиально, без ущерба своему материнству.

Конечно, это потребует в том числе и психологических рекоммутаций, о которых было сказано мною вначале. Но и для этого уже сформированы свои резервы. Во-первых, возвращению в жизнь традиционных смыслов способствует все более осознаваемая лидирующими нациями вплотную придвинувшаяся ограниченность вариантов экономики потребления, которая постоянно продуцирует избыточную суетливость. Во-вторых, самые актуальные тренды надувают свежим ветром паруса удачного семейного бизнеса, а он невозможен без наличия выбора наследника из своих детей. В-третьих, примеров счастливого сочетания делового успеха и многодетности, в том числе женской, даже в нашем нынешнем, смятенном, мире совсем немало. И они ждут лишь своего достойного продвижения на рынок информации.

© Ф. Шелов-Коведяев, 2004